

Андрей Полонский

СТИХИ 13 ГОДА

КАСТОПРАВДА

Москва, 2014

ББК 84.Р7
П 49

Стихи тринадцатого года. Андрей Полонский.
Обложка Анастасии Романовой.
Москва. Издательство Касторпвада, 2014.

ISBN 978-5-499-01223-9

«Стихи тринадцатого года» - пятая книга современного московского поэта
Андрея Полонского.

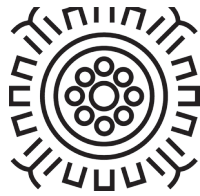
ВРЕМЯ И МЕСТО

«Стихи тринадцатого года» Андрея Полонского — маленькая книжечка стихотворений, объединенная календарными датами. Поэзия связана с историческим временем не только формально, но и по существу. Она фиксирует черты эпохи в пределах индивидуального и универсального опыта. В этом переходе — от личной физики к метафизике — и состоит главный интерес чтения стихов. Современной ситуации присущ подход к стихосложению как чисто языковому, почти внутрифилологическому явлению. Ему противоположен песенно-народный взгляд, школьный по существу. Стишок должен содержать новые образы-ассоциации-ходы, или быть аккуратным, быстро-броским, смешным, чтоб легко ребенку запомнить.

У Полонского присутствует совсем другая оптика. Ему интересна поэзия как речь, ритмизированная дыханием; но речь и дыхание случились, произошли, привязаны к определенному месту и времени.

Когда писались и собирались «Стихи тринадцатого года», имелась в виду скорей игровая и даже несколько кокетливая отсылка к ситуации столетней давности, к тому грозному 1913 году, который положил конец старой европейской истории. Известная часть этих текстов была собрана в Крыму, в Ялте, где Полонский время от времени живет и работает, преимущественно зимой и осенью. Однако в 13-м году он оказался там летом. И это последнее лето украинского Крыма выдалось странным, болезненно-холодным и очень нервным, как будто пространство предчувствовало приближающиеся перемены. Дыхание этих перемен слышно во многих стихах, вошедших в книжку. Но это только часть сюжета. На самом деле многие годы Андрей Полонский пишет один текст. Это гимн жизни как таковой, человеческой жизни с ее подозрением о существовании и несуществовании Бога, старением, увяданием, гноем, кровью, страхом, ненавистью, падением, ничтожеством, - и восхождением, преодолением обстоятельств, любых форм завершенной идентичности, своего конечного «я». Наверное, это один из самых пафосных текстов в то историческое время, когда пафос общепринято осмеян и общекультурно оставлен. Поэт нагло идет против течения, и видит в этом свою главную задачу.

Дмитрий Блаженков

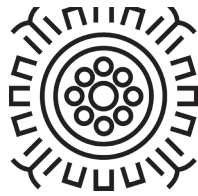
* * *

Е.А.Авдеенко

Ни о каких расчетах не говори, атіго, уже поздно
Следить за поворотами, вычислять злодеев,
У мира один источник, проверь по звездам,
Говорят, нечто там переменялось на прошлой неделе.
Вспоминаю покойницу-маму. Один раз она меня попросила
Ничего не утверждать прямо, окончательно, бесповоротно.
Все, что произносят с напором и силой,
Вызывает волнение времени, раскачивает лодку.
Приходит кормчий, заставляет принести жертву,
Долго выбирает, приписывает своей мудрости перемену
погоды.

Дети подражают его словам и его жестам
Пока им не захочется наркотиков и свободы.

И я, наверное, внял этому предостережению,
Воспеваю только в неловкой любви случайную позу,
Рисунок тела, отточенное движение,
В нужное время известную тебе нужную дозу.
Так что, атіго, для чего мы на этот свет и откуда,
Что там лежало у Каина на пороге,
Сколько парсеков до чуда,
Сколько песен о Боге,
Об этом не будем. Такая частность
Мешает играть чисто, путает карты.
Победа в теннис и есть наше верное счастье.
Или даже поражение, отыгранное с азартом.

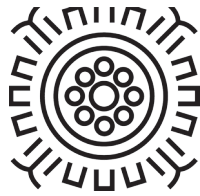
ХУАИО КОРТАСАР. «ВЫИГРЫШИ»

Отрывок из любимого романа
Читается в любом случае как дорога,
Ведущая через перевал и дальше,
Прочь от устоявшихся реакций.

Привычное всегда разрушается,
Если встречается с тем, что волнует кровь,
Приятно удостовериться,
Что комок, как и прежде, подступает к горлу.

Рауль и Паула, Лопес и Медрано,
Звездная ночь, мерцающие сигареты,
Текст был написан задолго до запрета на пропаганду
курения,
И как приятно читать: ароматный дым «Филипп Морис», —

Скоро надо будет давать сноску с примечанием:
Издатели прекрасно понимают весь вред,
Который может нанести пагубная привычка
Здоровью участников старинной истории,
Своего рода аргентинской версии «Трех мушкетеров».

* * *

пустота и пух лебяжий
суета и пух лебяжий
простота и пух лебяжий
в голове сплошной бардак
кто тебя теперь обяжет
кто тебя теперь накажет
безо всяких слов и лажи
кто обнимет просто так
человек взрослея пресен
никому не интересен
и скорей всего мудака

никуда спешить не надо
ни к кому спешить не надо
ни по чем спешить не надо
на войне как на войне
нету в будущем награды
нету в будущем улады
никакой там бля улады
ни ему ни нам ни мне
только космос не валгалла
только космос не валгалла
только космос не валгалла
индуистская луна
я хочу на матч реала
я хочу чтоб остро жало
чтобы крепче целовала
не пустыня-тишина
не холеная могила

что заранее постыла
не болвана не дебила -
больше света и огня -
а веселого заразу
чтобы все везде и сразу
до отпада до экстазу
ох - енного меня

* * *

Там, где небо встречается с морем,
Хочется сказать «парус»,
Но это обыденная ситуация,
«логос»,
Вероятней всего «логово»,
Но туда не заберешься,
Чтоб преклонить голову,
Услышать, ты устал, хочешь чаю,
Зеленого без сахара, или водки,
Картошки с грибами, аплодисментов....
Паночка, какая вы, право, привлекательная,
Привлекая тебя к себе,
Приникая,
Проникая в такие глубины,
Где слова путаются, а картинки, как в детском
калейдоскопе, меняются местами...
Но это тоже меч-ты
Мяч-ты,
Мрия,
Морок.
Строгий старик никогда не допустит,
Чтоб хоть кто-нибудь добрался туда,
Где небо встречается с морем...
Так почему же я постоянно вижу
Какие-то тени,
Почему мне кажется,
Что они там занимаются любовью,
Не то, что здесь,
Где в статистически значимом большинстве

Тела занимаются всякой белибердой.
Там, где море встречается с небом,
Хочется сказать парус,
Хочется сказать логос,
Хочется сказать логово
Большого умного зверя,
Который раскручивает землю,
Упираясь лапами в небо,
Который раскручивает небо,
Упираясь лапами в землю,
И не подозревает о том,
Что мы рассматриваем его часами
И не замечаем...

Наши ученые
Опроверяют его существование,
Упертые идиоты.

* * *

Торкает или нет, -
Это вопрос к небесам,
Когда получишь ответ,
Главное – не зависать.

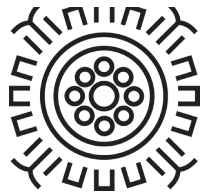
У Любы водит рукой
Неизвестно какой бес,
Вероника играет в прятки
С посланцем седьмых небес.

Чтоб заполучить их обеих,
Надо знать толк в обоях,
Не только в компьютерных эмпиреях,
Но и в реальных бойнях.

Сидишь себе, куришь нервно,
Рассматриваешь – хорош
Случайно встреченный некто,
Вгоняющий тебя в дрожь.

Еще один сорт алелуи,
Краденое торжество,
Особый вкус поцелуев,
Не значащих ничего.

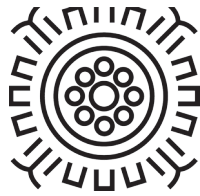
А в принципе:
Лакомая миниатюра,
Жостовская гопотня,
Груженная салом фура
Опережает меня.

БОГООСТАВЛЕННОСТЬ

Вбить крюк в скалу зацепиться за это мгновение
Как бы оно ни выглядело сомнительным
Как бы ни хотелось дальше выше сильнее
Сказать Я здесь остаюсь
Самолюбивый
Когда-то мечтавший о большем
Сейчас мне бы остаться хотя бы тут
Тоже форма бессмертия
Иначе с восковым лицом
В маленьком храме
Под всхлипыванье старух
От жалости к себе можно расплакаться
Я и плачу
Плачу за все легкомысленно растраченные возможности

Вбить крюк
Закрепиться
Обеспечить себе небольшую площадку на выступе времени
Перекурить
Пусть оно уходит себе из-под ног
Крошится
По камешку
Площадка на которой стою осыпается в пропасть
Пропади оно все пропадом
Я больше ни шагу

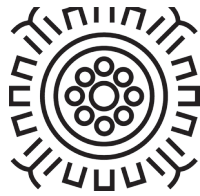
ГОЛОДНЫЕ ДЕМОНЫ

Эйя, эйя,
Квакают еще, в болоте
По уши в тине сидят, высматривают
Путника
Глаза красные
Работа
Холодно тут
Как обычно
Высмотрели одного
В парадной рубаше
Идет наощупь
Никого не видит
Ослеп
Какая хорошая кожа
Подрумянится
И будет хрустеть
У него ни единого шанса
Он ни разу в жизни не вспомнил
Бабушку
Читавшую над его головой
Отче наш
Когда родители уходили в гости
Выпить и отдохнуть
После тяжелой работы
Отец - начальником режима НПО Энергия
Мать – старшим лаборантом на том же предприятии
Он и не мог ничего помнить
Бабушка померла
Когда ему еще не исполнилось

Трех лет
В метро
Она закашлялась
И рухнула прямо на эскалаторе
Лицом вниз
Посинела
И достаточно
Хорошая картинка
Если б не это досадное происшествие
Возможно сейчас
Они бы не имели этого парня
На ужин
Эйя, хруст!

* * *

Умею ли Я говорить О
Тоже мне А
Слышь у нас проблемы
Топливо на исходе
Эти облака грозовые
Наступает ночь песни

КРЫМСКОЕ

Здесь, на юге, люди размякают, кажутся более способными
к преобразению,

Какая нежность, улыбается и облизывает губы,

Лежим у моря, пьем «маргариту»,

Я уже говорил, что это приятно.

Я уже говорил, что история повторяется

Каждый сезон, с неизбывным упорством,

Ничего нового под раскаленным небом,

Кроме того, что происходит именно с тобой.

Только личное измерение

Окрашивает происходящее в такие цвета,

Что закачаешься.

Ты и качаешься, пьяненький

От горного воздуха и инкерманского рислинга,

Снятся белые камни, концерт с участием Ави Недзвецкого

на склоне,

Пар после дождя.

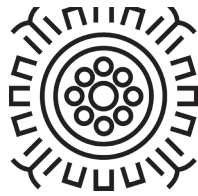
Музыканты прячут огромные трубы в пещеры

И скрываются в расщелинах.

Ави говорит: вот так обычно все и происходит,

Никакой отдачи,

Но сосны и можжевельник в восторге.

Я ХАРИСОН

Я Харисон я Харисон
В палате совершенно один
Моего соседа доктора Швешника
Вчера доставили к мертвым собакам
Я видел их черепа
Я слышал их рэгги
Я чувствую их запах за тысячу километров отсюда
Харисону дайте гитару
Закурить
На сильную долю
Я буду сплевывать а на слабую
Произносить слова
Анастезиолог девушка анестезиолог
Брюнетка зовут Маша
Все время думает как вчера
У нее все было
Совсем неплохо
Если в сущности представить себе
Как у других
Длинноногая волосы до лопаток
Чуть вьющиеся темнорусые волосы
Губы
Несколько бледноваты
Но пропорции рта и носа
Не без изящества
Только вот лобик
Узкий

Я Харисон Харисон
Когда я учился у Рави Шанкара
Мне было наплевать
На...

* * *

Маша/морфий Маша/морфий Маша/морфий
Лев и девочка уснули
На маковом поле
Под мою песню
Помнишь
Нас объединяет любовь
Нас объединяет любовь
Нас объединяет любовь

Какая все-таки это наивность
Маркузе Маркс Марек
И прочие мечтатели

В замкнутом пространстве крученом гнотом
Как достучаться до человека другого голого как глагол
Томится твоя пригода
Под сенью покинутых сел
За занавеской старуха мелькнет
и пропала
Только старое идеало проветривается на ветру
Ночь раззявила жало
Время обру-
Шивается на забрало
И не вернуло
На было
И сплыло
На прости меня милая
Приляг на/дуло
Взгрустни над миром.

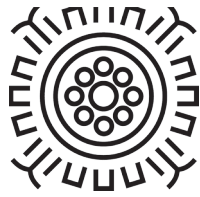
Понадмирная грусть по болотам и буеракам
Тощим собакам – кость
Каждый лукавый лаком
Особенно филейная часть

Ходит один такой выбирает,
Чтоб его остановило, влюбило,
Какая-нибудь скоморошечья Напевала,
Буддийская Напоила.
Ан нет же. Росчерк пера и точка.
Документ, обязательный к исполнению.
Законченная отсрочка,
Прожитая, тем не менее.
Я скажу ему, непроницаемому,
Посмотри на меня, я же не полицаи,
Но и не царь, и не челядь с цацками,
Так что некого отрицать/отваживать/порицать.

Надо бы рот заклеить скотчем,
Чтоб не повадно было трясти умом.
Чем ждать понимания, между прочим,
Раскурить трубку и уйти в дом.
В собственную раковину блевать рано,
На небе – убывающая Луна,
Сквозь все вопли, возню, позывные, смешки, стоны, гудки,
аккорды, сигналы,
щелчки выстрелов, нежные беседы в детской и спальне
Отсюда до самого Тегерана
Нарастает оглушающая тишина.

* * *

Грустно мне печально мне
да в родимой стороне
при честном народе
да всегда на взводе
ходит по полю дурак
ищет места честна
только видно все не так
нет такого места
неизвестно никому
где оно на свете
что все будет по уму
верят только дети

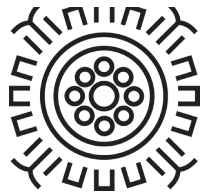

* * *

Время настало.
Трубят войска.
Железная птица с алмазным жалом
заслоняет набрякшие облака.
Мне было мало
объятий, города, коньяка,
но время визжало
как тормоза проржавевшего грузовика.
Правильно. Стоит
наотмашь, на вскрик,
новый историк
сочтет, кто где здесь мал был, а кто велик.
До почечных колик
надоело подведение предварительного что \ по чем,
настолько,
что я этого даже и не учел.

Она снижается. Она хочет мяса
изрядно провяленного, моего,
К дальним горам прилепился дом. На его террасе
в креслах сидит человек, он играет в это странное существо.

У него на экране я обозначен
в центре небольшого черного кружка,
чтоб перейти на новый уровень он обязан
раскрошить меня, дурака.

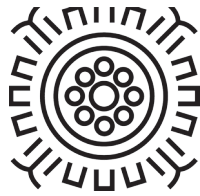
* * *

Неизвестная ящерица выходит из моря,
Огненный зев,
Слизывает один приморский поселок,
Другой,
Озирается.
Где Давид для этого Голиафа?
В конторах шушукуются.
Клерк говорит секретарше:
Не может быть,
Бабушкины сказки.
Министр говорит министру:
Никто не примет надлежащие меры.
Спецназ отступил от Байдарских ворот.
Где Давид для этого Голиафа?
Маг Александр и священник Виссарион
Теребят свои маленькие книжки.
Один спрашивает: Как ты думаешь,
Стоит ли принести жертву?
Слезы грешника, - жертва, угодная Богу, -
Отвечает другой.
Где ты здесь видишь Бога,
Очнись! –
И вообще, где Давид
Для этого Голиафа.
И вот он выходит,
Верней она,
Девочка,
Длинные глаза, наглый рот,
Острая грудь, великолепные ноги,

Именно про такие ноги говорят: от ушей.
Уйди, слышишь! –
Как она услышит, ящерица высотой со сталинскую
девятиэтажку,
Уйди и не возвращайся! – повторяет она и даже, кажется,
улыбается.
Неожиданно чудовище делает один неуверенный шаг назад,
Другой,
И вот оно уже скрылось за линией горизонта,
Только несколько огромных волн,
Выдыхая: ух! –
Накатились на берег.
Это была Лиллит, -
Говорит клерк секретарше.
Эта была ехидна, -
Говорит министр министру.
Какая-то непотребная история, -
Восклицает священник,
И маг кивает ему.
Он обещает поискать хоть какие-то аналоги в
средневековых манускриптах
И неканонических апокалипсисах..
Девушка поднимается от берега в гору.
Случайный прохожий ее спрашивает:
Кто ты на самом деле? –
Я Давид для этого Голиафа, - отвечает она,
Закуривает и смеется.

* * *

успешный хлеб холеное вино
доступный опий эллинское чванство
топь времени блудливое Оно
бездарное счастливо оставаться
мираж морочит марочка ее
рассасываешь долго и влюбленно
и как Малевич паки-бытие
раскрашиваешь в черное

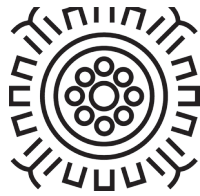
* * *

Каким образом соединить августовскую Ялту
31 один градус по Цельсию
И смерть поэта Василия Филиппова
В психиатрической больнице города Ленинграда
В коммуналках и на площадях в скверах и на островах
В Кронштадте и Петродворце
Ходили бледные персонажи произносили слова
Потом занавес

И вот теперь горы море
Другие люди другие истории
Уметь сочинять веселые песни веселые песни
Фьють жизнь
Ветер гонит по крыше скорлупу грецких орехов
Белка сыта и довольна
Кошки здесь рай для кошек
И еще семейство ежей три ежа приходят к нам вечерами

Мой друг художник Володя Бельский
Тоже прожил почти всю жизнь в психушке
Еще один братушка
Имя его Себастьян
Пытался сдать в психиатрическую лечебницу в
Симферополе
Когда в Уфе его объявили в розыск
Но неудачно...

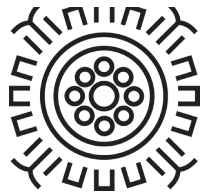
Читаю стихи Василия Филиппова
Вспоминаю правила прошедшего времени

* * *

Кого звать кого не звать,
как тоску именовать,
с чем, на чем и почему -
никогда я не пойму
в этом городе большом
в каждом доме есть проем,
мимо времени пролет,
там бессонница живет
ходят тени по ночам,
о безвременье кричат,
как живет эпоха? -
ни хорошо, ни плохо

А я делаю уроки
от забора до темна,
смерть кольцует ахи-вздохи,
собирает имена
я давно ее повадку
изучаю на других,
наблюдения - в тетрадку,
как примерный ученик,
тренируюсь понемногу,
отсекая глупый страх,
чтоб в далекую дорогу
уходить не впопыхах,
не с надрывом, не с натугой,
и не чересчур всерьез,
прорва-сука, стань подругой,
ставь засос

ПАМЯТИ ДЕНИСА РОДИОНОВА

В тумане, в тумане, ничего не помню,
То есть не знаю, как ты первый раз взял гитару,
Пробовал эти аккорды,
Ритм, движение, вполоборота к залу,
Всегда в тени, но отсекая четко
Лишнее.
У этой игры не было блеска,
Который бы запоминала публика,
Падкая на эффекты,
Но всегда существовало изящество,
Пауза,
Стремление вывести все к гармонии.
Ты не любил панк-рока,
Вообще разрушения,
Наверное потому,
Что судьба обошлась с тобой не слишком милосердно.
Боль и забота преследовали тебя,
Они с самого начала взяли след,
И если отпускали, только недалеко, нанедолго.
На два такта, на вдох-выдох-вдох.
Зато какое же это было тогда дыхание,
Полное, неожиданное, свободное.
Сказал и осекся. Не принимаем ли мы, как обычно,
То, что нам придумалось за то, что происходило на самом
деле.
Тебе сказали, ты не проживешь больше двадцати пяти лет,
Но удалось ведь, скажи. Удалось, и совсем неплохо.
Как-то летом у тебя во дворе, это уже я помню, хорошо
помню,

Мы перевозили какой-то инструмент, как обычно.
Оттуда – куда-то еще, может быть на студию, может быть
к друзьям домой,
Или договаривались, как станем покупать Яковлеву
Stratocaster,
И ты сказал, смотри, даже в этом городе, душном городе,
Какой сегодня ветер, холодный и чистый.

ДВА ДЕВЯТИСТИШИЯ

1.

Я думаю, и вот еще о чем,
причалы и причастие, что схоже,
священник юный много книг прочел,
наверное, на двадцать лет моложе

меня, застывшего со страхом перед ним,
вдруг я не здесь, а в месте недостойных,
избравших тьму, тюрьму и адский дым,
не пастбища любивших - скотобойни

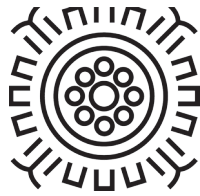
всегда один, и только перед Ним

2.

таков зарок, урок и твердый бред
нам - основания, другим качели, песни,
но ничего надежного - воскресни -
ан мира нет

мы знаем - без сюжета интересней -
вкус, осязание, дыхание и цвет
тот, кто приносит благо - сеет вред,
хоть тресни

ты сам - вопрос и сам себе ответ

FALLOR ERGO SUM

У Эдипа появляется сестра,
Король радуется – чудо хороши
Дамы нежные французского двора,
Украшение постели и души.

Но актеры утомились, к черту грим,
У Корнейля разболелась голова
Как все быстро кончилось, заметь,
Неизбежно повторяются слова.

Где замешаны отчаяться и сметь -
Там гиперборейская весна,
Наша обязательная плеть -
Как очаровательна она.

В городе Мытищи у ворот
В горние обители – завал,
Путник обязательно соврет,
Если он робел/не целовал.

Поощряем дерзость ревновать,
Красим одиночество в рассвет,
Ничего, что небо далеко,
Две подачи, и отыгран сет.

Как-нибудь в эпоху королей
Le menage a trois или le quart,
Нам сегодня вдвое тяжелей,
Столько слов, а тот же репертуар.

Если ты ошибся, то живешь,
Хоть в Мытищах, но под карканье химер,
Мысль изреченная есть ложь, -
Как заметил старина Вольтер.

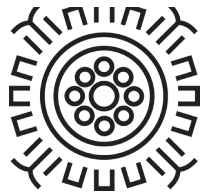
* * *

*“благодарствуйте, сударыня, за прошедшие года,
даже это благодарствуйте утекает как вода”*

Солоухин

пей боржом теперь с утра
говори с прохладцей
жизнь проходит жизнь прошла
счастливо оставаться
у меня на этот бред
при любом раскладе
есть единственный ответ
не дождетесь, б..ди
благодарен как могу
за утехи ласки
озираясь на бегу
в суете и тряске
нет чтоб канта почитать
контом насладиться
снять последнюю печать
и прослыть провидцем
нет чтоб мистиком всерьез
окультизм надолго
и подруг своих - до слез
да из чувства долга
я хочу тебя вдвойне
острая приправа
на войне как на войне

обними меня крепче, шалава

ДВА В ОДНОМ

1.

Что говорить о современности? Стало темнеть
Совсем рано, и некого обмануть,
Смысл изменить, обратить медь
В олово, или еще нелепее, в вис-мут.
У меня провисает труба, раскалывается итог,
Пляшет перед глазами раздаточный мост,
Я не сносил еще трех сапог,
Остались железные, ничего не принес.
Хотя туда-сюда ходил, того - кого целовал,
Обнимал, щупал, прижимал к груди,
И он расчувствовался, икал,
Напевал группу девичий кал, шутил о всяческой ерунде,
Говорил: не пизди,
Дело тут не в пизде.
И дело было и вправду совсем не в ней. Дело было в другой
Реальности, совершенно в ином языке,
На котором осуществлялся отбор. За тобой
Придут обязательно. Неизвестно, эти\те.
Хотелось бы конечно знать, определить,
Выявить, начертать начертательный план,
И только потом плыть,
Лететь по святым местам.
В путеводителе сказано: кто первый туда пролез,
Тот и счастлив, а кто не пролез, сиди,
Смазывай маслом смирения свой обрез,
Остужай до комнатной кровь в груди.
Остужу. Пусть выпьет ее малец

За свое бесовское бунтовское «вновь».
Хотя он тоже получит в торец,
И вся любовь.

2.

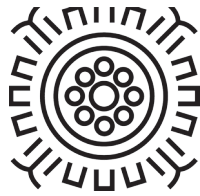
В городе Перудже под Хеллуин
Четверо сказали пятой: вали к нам,
А она не захотела валить к ним,
Заметила: не лучше ли по домам? –
И осталась лежать с перерезанным горлом, в собственной
крови,
Суд окончательно так и не выяснил, кто ее и зачем...
Все, что не делается – по любви, -
Это известный мем.
А те четверо были прекрасны, как друзья Лукреции и
Чезаре, -
Рисунок их спин, музыка их шагов, -
И толпа, будь ее воля, конечно бы, их растерзала,
Как сатанистов и классовых врагов.

* * *

не этим надо заниматься
не здесь бороться
корпеть с упорством рудознатца
с тоской уродца

увидеть лодку расписную
воскликнуть - диво!
куда идешь? - в страну иную
где все красиво
мир не опасен не случаен
и не подсуден
его законы мы за чаем
легко обсудим
курить устроим на балконе
ждать до рассвета
без обязательного - помер
конец сюжета
придут умершие - живыми
и сядут с нами...

всего-то дел - меняешь имя
в одной программе

СОДЕРЖАНИЕ

Время и место. (Предисловие Д. Блаженова)	3
“Ни о каких расчетах не говори, amigo, уже поздно...”	5
ХУЛИО КОРТАСАР. «ВЫИГРЫШИ»	7
“Пустота и пух лебяжий...”	9
“Там, где небо встречается с морем...”	11
“Торкает или нет...”	13
БОГООСТАВЛЕННОСТЬ	15
ГОЛОДНЫЕ ДЕМОНЫ	17
“Умею ли Я говорить О...”	19
КРЫМСКОЕ	21
Я ХАРИСОН	23
“Маша/морфий Маша/морфий Маша/морфий...”	25
“Грустно мне печально мне...”	27
“Время настало...”	29
“Неизвестная ящерица выходит из моря...”	31
“Успешный хлеб холеное вино...”	33
“Каким образом соединить августовскую Ялту...”	35
“Кого звать кого не звать...”	37
ПАМЯТИ ДЕНИСА РОДИОНОВА	39
ДВА ДЕВЯТИСТИЩИЯ	41
FALLOR ERGO SUM	43
“Пей боржом теперь с утра...”	45
ДВА В ОДНОМ	47
“Не этим надо заниматься...”	49

Стихи тринадцатого года.

Андрей Полонский.

Издательство Кастоправда
Москва, 2014.

www.kastopravda.ru
www.russianpoems.ru